
МОТИВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СБОРНИКЕ М.А. ВОЛОШИНА «НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА»

Е.С. Мельников

Кафедра русской и зарубежной литературы
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье анализируется развитие взглядов М.А. Волошина на судьбу русского народа в один из самых кровопролитных периодов русской истории. Поэт обращается к христианской мифологии, наполняя предреволюционные события библейским смыслом и развивая идеи Достоевского о ритуализированном характере русской усобицы. Проводя параллели между духовным упадком России и мифологической смертью Иисуса Христа, Волошин метафорически обозначает единственный путь к возрождению и духовному очищению русского народа, лежащий в изменении народного самосознания, преодолении «войны, а не противника».

Ключевые слова: Волошин, поэзия, русская революция, символ, система образов, художественная деталь, библейская мифология.

Образ духовного воскрешения через поражение на физическом плане — один из ведущих в творчестве поэта, мыслителя и публициста Максимилиана Александровича Волошина. Это не только мотив воскрешения как метафизического паломничества или священного пути, указанного человечеству библейским Спасителем, но и вполне конкретный призыв к переосмыслению современной Волошину философии нигилизма, допускающей «кровь по совести», о которой говорил еще Достоевский.

Из стихотворений Волошина хорошо видно, как важно идеологии, порожденной кровопролитным веком, не слиться с разрушительной философией террора, а найти путь к преодолению этого духовного бесовства. По мысли Волошина, за обновленными флагами и лозунгами политических и философских движений начала XX в. проступали лица тех самых носителей «маскарадных псевдонимов», анализу которых он посвятил свою лекцию «Россия распятая».

Особенно показательны в этом свете первые строки его стихотворения «Мир», написанного в Коктебеле по горячим следам Октябрьской революции и победы большевиков:

С Россией кончено... На последях
Ее мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях... [1]

Волошин усвоил, развил и перевоплотил в своем творчестве кризис духовного самосознания, охвативший всю русскую нацию. Свои религиозно-философские приоритеты Волошин был вынужден переоценивать в один из самых кровавых периодов эпохи, что неизменно сказывалось на его мировосприятии.

В этот период христианско-мифологический смысл все глубже проникает в его миропонимание. Размышляя над социальными потрясениями, всколыхнувшими русское общество начала столетия, Волошин все чаще вспоминает о Граде Божьем, «сказочном» Китеже, скрытом от «татар» — бесов. Путь в этот город также возможен

лишь через примирение со своей землей, ее преобразование вчерашним рабом, который:

...Воздвигнет сломанный престол,
А сам уйдет молчать в свои берлоги,
Работать на полях, как вол.
И, отрезвась от крови и угара,
Цареву радуясь бичу,
От угольев погасшего пожара
Затеplit ярую свечу [2]

В творчестве М. Волошина любовь к русской земле неразрывно связана с верой в ее мессианскую роль. В глазах поэта «вся Русь — это Неопалимая купина, горящая и негорающая сквозь все века своей мученической истории» [3. С. 80]:

Мы погибаем, не умирая,
Дух обнажаем до дна.
Дивное диво — горит, не сгорая,
Неопалимая Купина! [1]

В ветхозаветном образе Неопалимой Купины поэт уподобил Россию богоизбранному народу, который пошел вслед за Моисеем и лишь ценой колоссальных физических и духовных испытаний сумел обрести свободу по воле Божьей. Особенно показателен в этом свете выбор стихотворения, которое при создании одноименного сборника («Неопалимая Купина», 1917—1919 г.) поэт ставит на первое место в книге. Речь идет о стихотворении «Россия», в котором М. Волошин высказывает свой взгляд на страну, в высшей степени противоположный господствующему среди его современников:

Люблю тебя побежденной,
Поруганной и в пыли,
Таинственно осветленной
Всей красотой земли [1]

Едва ли какой-либо другой образ России удовлетворил бы религиозную жажду поэта более, чем духовное возрождение, следующее за поражением в материальной, земной войне. Возможно, здесь следует остановиться на такой спорной теме, как стремление поэта к познанию духовной сущности мира через страдание. В соответствии с мироощущением М. Волошина достичь вознесения и блаженства можно только в смирении и терпимости. Он отвергает образ победившей России, одолевающей «зло сражений» — «горшим злом». Понимание высшей сущности своей страны поэт видит в причастности к ее бедам, в молитве.

Россию времен революции и войны поэт уподобляет загнанной лошади, которую жестокий погонщик наотмашь бьет по глазам — «по *кротким* глазам». Этот образ служит прямой отсылкой ко сну Раскольниково о загнанной лошади из «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского, который также восходит к стихотворению Некрасова «До сумерек». Особенно важен здесь образ лошади как кормилицы, благодетельницы, на которую взбесившийся хозяин взвалил непомерный воз и которую хлещет по плачущим глазам.

Неслучайно бушующую в Европе войну поэт соотносит с огнем, лавой, бичами пламени. Ни один другой образ не смог бы ярче передать волошинское видение России

как легендарной Неопалимой Купины — объятай пламенем, но не сгораемой. В следовании этому образу — спасение русской культуры; уход же народа от своего предназначения ведет к войнам и революциям, а что еще важнее — к потере своего бытия.

Война оказывает на мировосприятие поэта колоссальное влияние. Он хорошо понимает, что жизнь требует совершенно иного подхода к философскому обоснованию мира. Последние годы войны отмечены стремительным изменением взглядов Волошина на антропософию: попытки познать мир рациональными методами в глазах художника проявляют себя как несостоятельные.

А потому с нашей стороны было бы величайшим допущением наполнять религиозное начало стихотворение «Россия» антропософским содержанием — даже невзирая на важное место, которое занимало учение доктора Р. Штайнера в мировосприятии поэта в исходные годы Первой мировой войны.

Сугубо штайнеровский подход к познанию человеческой сущности («Под антропософией я понимаю научное исследование духовного мира... которое, прежде чем пытаться проникнуть в сверхчувственный мир, сначала развивает в познающей душе бездеятельные в обычном сознании и обычной науке силы» [Цит. по: 4]) перестает соответствовать духовным запросам Волошина. Неудивительно, что уже в начале 1915 г., в дни «безвольного томления мысли», поэт признается в желании «развоплотиться», покинуть мир, охваченный ужасом «оголтелой, стынувшей земли».

Характерно, что уже во втором стихотворении сборника проскальзывает мотив единства победителей и побежденных, связанных пролитой кровью, который затем неоднократно повторится в творческом наследии автора:

В эти дни нет ни врага, ни брата:
Все во мне, и я во всех... [1]

В этом ракурсе кажется совершенно закономерным, что центральное произведение цикла названо в честь величайшей из катастроф, предсказанных Библией, — священного Армагеддона.

Едва ли случаен здесь и порядковый номер стихотворения: нетрудно понять, что, будучи девятым стихотворением сборника, «Армагеддон» воплощает космическую константу сакрального числа девять, соответствующего в определенных мифологиях началу и концу жизненного цикла.

Сюжетный материал для стихотворения поэт черпает в «Откровении» Иоанна Богослова, которому посвящен и эпиграф «Армагеддона»: «Три духа, имеющие вид жаб... соберут царей вселенной для великой битвы... в место, называемое Армагеддон...» [1] Действие стихотворения разворачивается в совершенно определенном месте: на холме Мегиддо в Изреельской долине. Однако за географическим планом проступает совсем иной сакральный, метафизический уровень.

Мотив пророчества, преобладающий в названном стихотворении, не ограничивается одним лишь обращением поэта к тексту апостола Иоанна: протагонист «Армагеддона» сам выступает в роли прорицателя, которому была открыта картина грядущего поля битвы между космическими началами человеческой природы. Специфику этого стихотворения составляет анонимность фигуры, наделившей поэта мистической возможностью проникнуть взглядом сквозь полотно времени.

Трудно не обратить внимание на то обстоятельство, что лирический герой лишь описывает испуг, испытанный им при встрече с этим божественным созданием — однако вопрос о личности своего таинственного спутника поэт оставляет открытым. И не без причины: с пророчеством о грядущем крушении мира как кровопролитном

итоге последнего противостояния между Мессией и Зверем тесно связано и другое пророчество — видение Иоанна Богослова о четырех всадниках, роль каждого из которых допускает исключительно многообразные интерпретации.

Если божественное видение действительно исходит от одного из всадников, то вопрос о спутнике лирического героя приобретает особый символический смысл. В то время как адресат пророчества неизменен — в его роли выступает ослепленное человечество, буквально замершее в ожидании разрушительной катастрофы, — фигура его отправителя может продиктовать метод расшифровки этого видения.

Белый ли всадник становится спутником прорицателя — первый вестник Армагеддона, ассоциирующийся в определенных интерпретациях «Откровения» с торжественной поступью христианской веры? Или рыжий, ведущий человечество на войну и брань? Ведь катастрофа может окончиться как победой белого благовестника, так и триумфом смерти. Не Мессия борется со Зверем на холме Мегиддо, но любовь человеческая с войной и братоубийством.

Кроме того, под образом неизвестного спутника, наделяющего лирического героя пророческим даром, может подразумеваться и вовсе не христианская, а древнегреческая мифологическая фигура, глубоко почитаемая поэтом: Гермес, прославленный вестник олимпийских богов, или даже его более поздняя, теософская инкарнация: Тот Гермес Трисмегист, покровитель мудрости и философии.

И не следует ли здесь понимать под лирическим героем саму Россию, которая, будучи одним из «царей и царств мира», вот-вот начнет свое восхождение на холм Мегиддо? Недаром Волошин подчеркивал, что «у каждого народа свой мессианизм, другими словами — представление о собственной роли и месте в общей трагедии человечества» [3. С. 39]. Не может ли послужить это утверждение ключом к расшифровке пророчества, оглашенного в «Армагеддоне». Не видит ли поэт священную роль России в восстановлении гармоничного единства всего мира, в объединении всех мировых культур «для последней брани всех времен» — войны за изгнание Зверя и обретение царства Господнего?

Предчувствие катастрофы, исход которой может дать человечеству и новые духовные всходы, обнаруживает свое физическое воплощение в образе «каменной зыби», жаждающей «хмельной желчи Божьего потира». Мотив потира также восходит к мифологическим образам Откровения: «И услышал я из храма громкий голос, говорящий семи Ангелам: идите и вылейте семь чаш гнева Божия на землю» [цит. по 5] (см. «Откровение Иоанна Богослова», глава 16, стих 1). Но «Божий гнев» — это гнев очищения, а не разрушения. Кто-то должен пролить чашу Божьего гнева на землю, чтобы начать перерождение мира.

Как бы то ни было, в данном стихотворении глазам читателя предстает не только авторская интерпретация библейского мифа: за тканью метафорических описаний безлюдной пустыни и высохших рек скрывается указание на один из самых крупномасштабных вооруженных конфликтов в истории человечества и вместе с тем — один из символов надвигающейся бездуховности. Преодолеть эту бездуховность возможно только одним способом: пройдя через тигель Армагеддона и выйдя из него нравственно обновленным, религиозно возвышенным человеком.

Важно отметить, что при всей катастрофичности библейского пророчества о конце света пророческие слова Волошина о грядущем Армагеддоне несут в себе совершенно иную, отнюдь не скептическую идейно-нравственную составляющую: человечество получает выбор между очистительным, крестным путем страданий, которые

символизирует и перекрестная рифма стихотворения, и слепым забвением, которому соответствует богатейший образный ряд произведения («тучи багровых мечей», «огненные жерла», «планетные ураганы»).

Неслучайно Волошин переносит действие другого стихотворения сборника, носящего символическое название «Москва», на печально известное Лобное место. Будучи стольным градом, Москва представляет собой трепещущее сердце революционной России, охваченной огнями пожаров. И как не увидеть скрытый библейский смысл в упоминании Лобного места, соседствующего в этом стихотворении с церковью Покрова:

На рву у места Лобного
У церкви Покрова
Возносят неподобные
Нерусские слова [1]

Лобное место выступает в стихотворении не только в роли мрачного символа гибели, предвещающего духовную казнь русской нации, но и в качестве лексического отражения знаменитой Голгофы — библейского символа жертвенности, смерти и последующего возрождения.

Известно, что исходное существительное *«gulgoleth»* на иврите означает *«черепа»*, а в качестве имени собственного стало использоваться лишь благодаря отдаленному сходству знаменитой скалы с головой человека. Во многом благодаря фонетическому калькированию оригинального слова в русском языке «Голгофа» унаследовала все тот же метафорический смысл этого существительного. Так, «Лобное место» по-прежнему указывает на место, визуально сопоставимое с черепом, то есть Голгофу.

Трудно не обратить здесь внимание на антиномичное сочетание этого образа с другим, также глубоко символическим: церковью Покрова. При кажущейся противоречивости этих образов Лобное место и церковь Покрова Пресвятой Богородицы связаны единым христианско-мифологическим смыслом. Образ Лобного места, служащий отражением Голгофы, свидетельствует о путях русского народа времен революции, неизбежно ведущих к распятию на Голгофе — или, учитывая междуособный характер отечественной революции, к *самораспятию* русской нации на кресте гражданской войны. Тем не менее, благодаря введению образа церкви в текст стихотворения распятие лишается своего эсхатологического характера, приобретая совсем иной смысл. Нельзя забывать, что смерть Иисуса Христа на кресте привела не к забвению принесенной им жертвы, но к посмертному воскрешению и возведению первых опор зарождающейся христианской веры. По мысли Волошина, русский народ должен пройти тот же путь духовного очищения, чтобы очнуться от крови и перевоплотиться, отринув прежнее бесовство — «нерусские» и «неподобные» слова и идеи.

Со всей очевидностью действенность этого символического, духовного очищения показана автором в стихотворении «Преосуществление», которое входит в ту же главу сборника, что и уже упомянутые «Москва», «Китеж» и «Неопалимая Купина». Мысль о перевоплощении через страдание звучит в этом стихотворении с особой выразительностью:

Так семя, дабы прорасти,
Должно истлеть...
Истлей, Россия,
И царством духа расцвети! [1]

Как и все в поэтическом мире Волошина, Россия может обрести прежнюю святость и встать на заглавный русский путь, только потерпев поражение на материальном плане. Не об этом ли путиговорит автор, внося в символическое полотно стихотворения «Священный Путь, где камень стерт / стопами медных легионов / и торжествующих когорт»? Не эти ли медные легионы и торжествующие когорты раздирают теперь Россию, заменяя Священный Путь — знаменитую *Via Долороза* Иисуса Христа — тропой в бездну? Сам термин «преосуществление» восходит к атрибутике горнего мира, символизируя, вероятно, преобразование «Руси гулящей» в «Святую Русь».

Мотив восхождения к свету через погружение на дно вообще обладает сквозным характером в творчестве М.А. Волошина: так, центральным значением для шестой главы сборника обладает стихотворение «На дне преисподней», в котором поэт открыто называет Россию Голгофой, однако пророчит ей сплочение русской нации после духовной смерти:

Умирать, так умирать с тобой,
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба! [1]

Увы, в разрушительные годы революции эта Русь-преисподняя, Русь-Голгофа, названная поэтом «юродивой», остается все еще слишком податлива к философии воинствующих революционеров — той самой «нечаевщине», о которой за десятилетия до Волошина говорил Достоевский.

Эта тема порождает множество отголосков во всем творчестве поэта. Волошин чувствует, что он остается

Один среди враждебных ратей —
Не их, не ваш, не свой, ничей —
Я — голос внутренних ключей,
Я — семя будущих зачатий [6. С. 231]

Исследователь С.Н. Бунина уже отмечала, что в этих строках «слышится отсылка к М. Лермонтову», а именно к его раннему тексту «Один среди людского шума» [7. С. 11].

С трагической показательностью уязвимость человека к пагубному воздействию экстремистских идеологий в период революций и войн продемонстрирована поэтом в стихотворении «Терминология», входящим в сборник «Неопалимая Купина». Волошин как никто другой знал, что современная речь отражает народную мысль текущей эпохи, национальный взгляд на культуру и мир. И вот — наполняется русский язык хлесткими, молодежатыми и в то же время какими-то пристыженными оборотами наподобие «разменять», «взять на мушку», «списать в расход» — выражениями, предназначение которых в том и заключается, чтобы спрятать за непрозрачными и абстрактными образами ужасающую семантику. В этом стихотворении автор показывает, какой густой слой лексических красок потребовался приверженцам радикальных движений, чтобы отвлечь общественное внимание от самой сущности междоусобицы и террора: насильственного лишения жизни, кровопролития и принуждения.

Особенно значимо в этом свете еще одно стихотворение цикла, которое носит название «Над законченной книгой». Своего рода фундаментом стихотворения выступает глубокая убежденность поэта в возможности — и необходимости — преодоления войны нравственными силами человека, а не кровопролитием. По мысли ху-

дожника, даже в годы войны человечество остается неразделенным, связанным узами взаимного кровопролития (*Не ты ли / Неволлил сердце / Благословить / Убийцу и жертву, / Врага и брата?* [1]) Эти строки символически отражают фрагмент письма А. Петровой, написанный Волошиным в августе 1915 года: «Ее надо одолеть — самое войну, а не противника» [8. С. 447].

Таким образом, в сборнике «Неопалимая Купина» поэт изображает мир, проникнутый христианско-библейской философией духовного воскрешения, неизбежно идущего за поражением на физическом уровне. Сборник позволяет увидеть период междоусобиц начала XX века совсем в иной перспективе и указывает современному читателю путь к пониманию гуманизма этой кровопролитной и исключительно многогранной эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Выдержки из сборника «Неопалимая купина» // Электронная библиотека Максима Мошкова. — [Электронный ресурс]. — URL: http://az.lib.ru/w/woloshin_m_a/text_0096.shtml (дата обращения: 13.10.2014).
- [2] Фрагмент сборника «Неопалимая купина» // Викитека. — [Электронный ресурс]. — URL: [http://ru.wikisource.org/wiki/Китеж_\(Волошин\)](http://ru.wikisource.org/wiki/Китеж_(Волошин)) (дата обращения: 16.10.2014).
- [3] Волошин М. Россия распятая: Сборник статей и стихов / Состав. В.И. Цветков, вступит. ст. и коммент. Э.С. Менделевича. — М.: Пан, 1992.
- [4] Выдержка из статьи «Рудольф Штайнер об Антропософии» // Антропософское общество в России. — [Электронный ресурс]. — URL: <http://rusanthroposophia.org> (дата обращения: 16.10.2014).
- [5] Откровение Иоанна Богослова, глава 16 // Библия. — [Электронный ресурс]. — URL: <http://bibleonline.ru/bible/rus/66/16> (дата обращения: 17.10.2014).
- [6] Волошин М.А. Собрание сочинений. — М.: Эллис Лак, 2003. — Т. 1, 2.
- [7] Бунина С.Н. «Пустыня... ночь... и звезд мерцанье»: романтический интертекст в творчестве М.А. Волошина // Вестник ОГУ. — 2005. — № 11.
- [8] Волошин М. Избранное: Стихотворения, воспоминания, переписка / М. Волошин / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. З. Давыдова, В. Купченко. — Минск: Мастацкая літаратура, 1993.

LITERATURA

- [1] Vyderzhki iz sbornika "Neopalimaja kupina" // Jelektronnaja biblioteka Maksima Moshkova. [Jelektronnyj resurs]. — URL: http://az.lib.ru/w/woloshin_m_a/text_0096.shtml (data obrashhenija: 13.10.2014).
- [2] Fragment sbornika "Neopalimaja kupina" // Vikiteka. — [Jelektronnyj resurs]. — URL: [http://ru.wikisource.org/wiki/Kitez_\(Voloshin\)](http://ru.wikisource.org/wiki/Kitez_(Voloshin)) (data obrashhenija: 16.10.2014).
- [3] *Voloshin M.* Rossija raspjataja: sbornik statej i stihov / Sostav. V. I. Cvetkov, vstupid. st. i komment. Je.S. Mendelevicha. — M.: Pan, 1992.
- [4] Vyderzhka iz stat'i "Rudolf Shtajner ob Antroposofii" // Antroposofskoe obshhestvo v Rossii. — [Jelektronnyj resurs]. — URL: <http://rusanthroposophia.org> (data obrashhenija: 16.10.2014).
- [5] Otkrovenie Ioanna Bogoslova, glava 16 // Biblija. — [Jelektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: <http://bibleonline.ru/bible/rus/66/16> (data obrashhenija: 17.10.2014).
- [6] *Voloshin M.A.* Sbranie sochinenij. — M.: Jellis Lak, 2003. — T. 1, 2.
- [7] *Bunina S.N.* «Pustynja... noch'... i zvjzod mercan'e»: romanticheskij intertekst v tvorcestve M.A. Voloshina // Vestnik OGU. — 2005. — № 11.
- [8] *Voloshin M.* Izbrannoe: Stihotvorenija, vospominanija, perepiska / M. Voloshin / Sost., podgot. teksta, vstup. st. i komment. Z. Davydova, V. Kupchenko. — Minsk: Mastackaja litaratura, 1993.

THE MOTIVE OF THE RUSSIAN REVOLUTION IN THE COLLECTION OF M. VOLOSHIN POETRY «BURNING BUSH»

E.S. Melnikov

Department of World and Russian Literature
People's Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia

The article analyzes the evolution of the views of M. Voloshin on the fate of the Russian people in one of the bloodiest periods of XX century's beginning. Voloshin uses the Christian mythology, filling the pre-revolutionary events with biblical meaning and developing the ideas of Dostoevsky about the ritualized nature of Russian revolt. Drawing parallels between Russian spiritual decline and mythological death of Jesus Christ, Voloshin metaphorically demonstrates the only way to revival and spiritual purification of Russian people, which lies in changing people's consciousness and «overcoming war, not the enemy».

Key words: Voloshin, poetry, Russian revolution, symbol, system of images, fiction component, Bible mythology.